

РОМАН

(Рассказ)

Источник: А. О. Осипович-Новодворский. Эпизод из жизни ни павы, ни вороны, Санкт-Петербург, "Наука", 2005.

Оригинал здесь: Машинный фонд русского языка - <http://cfrl.ru/prose/osipovich/osipovich.shtm>.

Это было в начале весны, в то переходное время, когда на развалинах зимней природы всё прочнее и прочнее утверждается новый порядок вещей, когда птицы поют песню любви, озонированный воздух сладко раздражает и щекочет нервы, кавалеры обнаруживают особенное любопытство и чуткость ко всему, что касается дам, и наоборот, а беллетристы испытывают большое затруднение от обилия неустановившихся образов и тем для романа.

Я избежал этих затруднений благодаря счастливой случайности. В самом поэтически уединенном месте городского сада в К., там именно, где главная аллея оканчивается полуразрушенной беседкой и только едва заметная в кустах тропинка ведет вниз по крутому спуску, я нашел совсем готовый роман, в виде двух записных книжек, из которых одна, очевидно, была *ее*, а другая *его*, дневника и нескольких писем. Всё это было завернуто вместе в бумагу и лежало на свежей, слегка измятой траве.

Я немедленно поднес ее книжку к носу: она, то есть книжка, очень простенькая, в красивом кожаном переплете, -- издавала легкий запах кожи, бумаги, голландского сыру (вероятно, вследствие частого совместного пребывания в кармане), но духами отнюдь не благоухала и вообще дышала такою трогательною скромностью, что я сразу почувствовал к ней живейшую симпатию и поднялся в беседку с целью заняться более подробными исследованиями. Как знать, может быть, он ее обидел? может быть, ей потребуется утешение, защита, покровительство? Ведь эти переходные сезоны подъема молодого духа, напряженной физической и нравственной энергии, преувеличенных надежд и наивной веры -- это такая почва, на которой погубить девушку -- всё равно что хлеба с маслом съесть...

Я начал с величайшей поспешностью:

"Список белья. Рубашек -- 6, юбок -- 4, простынь -- 4, наволочек -- 4, кальсон -- 4 пары, носов<ых> платков -- 6, чулок -- 6 пар, воротничков -- 3, манжет -- 3". Помечено прошлым годом. Февраль.

Он был гораздо богаче. Его книжка черная, с золотым оттиском: "Notes", даже на значительном расстоянии пахла фиалкой и табаком.

Одних рубаш у него было две дюжины -- одна дюжина со стоячими воротничками, а другая с отложными. За метку дюжины новых носовых платков он заплатил Маше полтора рубля деньгами и фунт конфет в 60 коп. серебром. Одевался он очень недурно. У него имелось две шляпы: цилиндр (7 р.) и шапокляк (6 р.), пальто с бобровым воротником (60 р., у Канюкина), летнее пальто (18 р.), енотовая шуба (75 р., по случаю, в касе ссуд), два фрака, два сюртука, визитка, пиджак, несколько пар брюк, из которых одна серая, клетчатая и прочее. В касе ссуд он купил себе серебряный портсигар за 12 р. и золотое кольцо за 20 р. Золотых же часов и фарфорового сервиза он не покупал, потому что то и другое получил ко дню рождения от Зизи и остался так доволен, что оценил подарок приблизительно в 300 р. и тут же шаловливо заметил: "Дорог мне не твой подарок -- дорога твоя любовь". В его кабинете стояла голубая кушетка, купленная по случаю за 14 р., а возле, на паркетном полу, лежала медвежья шкура, взятая вместе с лампой для письменного стола и статуэткой Венеры за долг в 15р. от некоего Т. Две других Венеры, масляными красками, он купил за рубль на толкучем рынке и повесил на стене против кушетки, по обеим сторонам трюмо. Кроме кабинета у него была еще спальня, для которой приобретен ночной столик (2 р.). За обе эти комнаты он платил 50 р. в месяц.

Она занимала одну маленькую комнату в 12р. В такой комнате кроме кровати, неизбежных двух стульев, обыкновенно с просиженным сиденьем, стола, умывальника и шкафчика или комода мог быть разве какой-нибудь старый диванишка, да и это сомнительно: комната была очень бедно обставлена, судя по тому, что жилища сама чинила оборванные обои ("кусок обоев -- 30 коп.") и мужественно боролась с тараканами ("порошок от тарак<анов> -- 40 коп."). На стене или на полу (должно быть, на стене), у кровати, у нее прежде был ковер, но она -- бедная! -- заложила его у еврея-ростовщика (Базарная, No 18) по 15 июля 18.. г. за 10 р. серебром. Из гардероба, находившегося в шкафчике или комоде, упоминается о